

Тропы и фигуры

Чем отличается художественная речь от обычной? По-видимому, тем, что она пользуется особыми оборотами слов и мыслей: такими, которые сами не приходят на язык, а требуют обдумывания. Так рассуждали самые первые теоретики художественного слова — создатели античной риторики. Им казалось: как у человеческого тела есть одно естественное положение, руки по швам, а все остальные — это уже позы, так и у человеческой речи есть один «естественный», простейший склад, а все отклонения от него — это ее «позы», фигуры.

Различались фигуры мысли и фигуры слова: первые не менялись от пересказа иными словами, вторые менялись; первые были средством выделить именно данную мысль, вторые — просто привлечь внимание к данному месту в речи. Фигуры слова, в свою очередь, делились на фигуры прибавления, убавления перемещения и — самое главное — переосмысления слов; эти последние носили особое название — тропы (в переводе с греческого — обороты).

Фигуры мысли — это, например, антитеза («ученье — свет, неученье — тьма»), восклицание, олицетворение («о времена! о нравы!», «само отечество вопиет к тебе...»), обращение, вопрос («слушайте, граждане...», «неужели вы потерпите?...»). Словесное выражение этих фигур усиливалось или распространением, или, наоборот, умолчанием («не буду говорить о том, что ты лжец, вор, развратник, скажу лишь...»).

Фигуры прибавления слов — это прежде всего повторы разного рода. В простейшем случае слова повторяются подряд (удвоение: «Пора, пора! рога трубят»), в более сложном — в начале (анафора, или единоначатие: «Клянусь я первым днем творенья, клянусь его последним днем...») и конце смежных отрезков текста (эпифора, или единоокончание: «пелеринка из фестончиков, на рукавах фестончики, эполеты из фестончиков...»). Различают также стык («О, весна без конца и без краю — Без конца и без краю мечта!»), кольцо («Мутно небо, ночь мутна»), соединение анафоры и эпифоры («Во поле березонька стояла, во поле кудрявая стояла»). Неоправданное прибавление слов называется плеоназм — «излишек» («Мы видели их мертвые трупы»).

Фигуры убавления слов употребляются реже. Это эллипс, или пропуск слова («Мы встаем, и тотчас на коня, и рысью по полю при первом свете дня»), зевгма, или объединение неоднородных слов в общем подчинении («У кумушки глаза и зубы разгорелись»), бессоюзие, опущение служебных слов («Швед, русский — колет, рубит, режет»)

Фигуры перемещения слов — это инверсия, необычная перестановка слов («и смертью чуждой сей земли не успокоенные гости» = «гости сей чуждой земли, не успокоенные и смертью»), и, по существу, все виды параллелизма: точный и неточный, прямой и обращенный, незарифмованный и зарифмованный: «Мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть».

Фигуры переосмысления слов, они же *тропы*, — это метафора, перенос значения по сходству («Ель рукавом мне тропинку завесила...» вместо «веткою»); метонимия, перенос значения по смежности («вся изба храпела» вместо «все люди в избе»); синекдоха, перенос значения по количеству («Швед, русский — колет...» вместо «шведы и русские...»); ирония, перенос значения по противоположности («Отколе, умная, бредешь ты, голова?» — спрашивают осла); сужение значения («тут нужен герой, а он только человек», то есть трус); гиперболы, усиление значения («мы с вами сто лет не виделись!»); перифраза, детализация значения («погрузился в сон» вместо «заснул»).

И в эпоху Возрождения, барокко, классицизма тропы и фигуры культивировались в литературе сознательно — их обилие считалось признаком поэтического стиля. Потом было замечено, во-первых, что и сама разговорная речь изобилует ими не меньше, а во-

вторых, что грань между естественной речью и фигурными отклонениями от нее очень трудно определима. В XIX–XX веках фигуры перестали изучаться, употребление их в литературе вновь стало бессознательным. Заново переосмыслить опыт старинной теории фигур на основе понятий современного языкознания — важная задача литературоведения.